

Ираклий Церетели

**Кризис власти
Воспоминания лидера
меньшевиков, депутата
II Государственной думы
1917-1918**

ББК 63.3(2)5
Ц42

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Церетели И.Г.
Ц42 Кризис власти. Воспоминания лидера меньшеви-
ков, депутата II Государственной думы. 1917—1918. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 255 с.

ISBN 978-5-521-85515-5

Иракий Церетели в своей книге удивительно точно передает атмосферу первых дней революции, яростный накал идеологических страстей и непримиримое противоборство партий, сводившее на нет и так довольно слабое стремление демократических сил к объединению. Подведя итог самым кризисным моментам двух революций, И.Г. Церетели отвечает на главный вопрос: почему не устояла коалиция и демократические партии потерпели полное поражение?

ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-521-85515-5

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

Глава I

АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС И ОБРАЗОВАНИЕ КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Первые симптомы гражданской войны

Первый кризис революции произошел в конце апреля, в результате конфликта между Исполнительным комитетом и Временным правительством по вопросу о внешней политике.

Ничто не предвещало этого конфликта в дни, которые ему предшествовали. Напротив, казалось, что весь ход событий способствовал укреплению связи между Временным правительством и советской демократией.

Только что закончившееся Всероссийское совещание Советов огромным большинством одобрило политику соглашения, которая велась руководящим большинством Исполнительного комитета Петроградского Совета. Совещание, пополнив Исполнительный комитет избранными им новыми членами, уполномочило его продолжать ту же политику в качестве всероссийского органа Советов. Большевики, противники этой политики, оказались на Всероссийском совещании в ничтожном меньшинстве. Таково же было положение в местных Советах. Фронтовые демократические организации, выражавшие настроения солдатских масс на фронте, в подавляющем большинстве солидаризовались с решениями совещания. Это обстоятельство делало для Временного правительства совершенно необходимым сохранять единение с Советами не только в вопросах внутренней, но и в вопросах внешней политики.

Что касается тогдашнего влияния революционной демократии на фронте, особенно памятли мои впечатления, вынесенные из поездки в Минск.

В первой половине апреля, вскоре после окончания Всероссийского совещания, Исполнительный комитет получил приглашение прислать делегацию на Общефронтовой съезд в Минске. Делегация была выбрана в составе Чхеидзе, Скобелева, Гвоздева и меня. Это было первое непосредственное соприкосновение официального советского представительства с фронтом.

Немедленно по приезде нашем в Минск организаторы съезда устроили нам свидание с командующим Западным фронтом генералом Гурко.

Высшее военное командование было противником изменений, внесенных революцией в организацию армии, и с трудом приспособлялось к новым условиям. Гурко считался одним из самых недовольных, но, пока он оставался на посту, он был вынужден прибегать к помощи армейских демократических организаций для поддержания дисциплины на фронте.

Знакомя нас с трудностями, с которыми ему приходилось иметь дело, Гурко обнаружил знакомство с дебатами и решениями Всероссийского совещания по вопросу о войне и задачах армейских организаций. Он выражал удовлетворение тем, что революционная демократия с определенностью высказалась за необходимость сохранить боеспособность армии. Он высказывал надежду, что мы, объясняя эти постановления съезду, создадим ту моральную атмосферу, которая облегчит командованию поддержание порядка на фронте.

В ходе нашей беседы я спросил Гурко, как налаживаются его отношения с армейскими демократическими организациями. Война, сказал он, требует от всех умения приспособиться к неожиданным положениям. Новая система уговаривания солдат трудна, но до сих пор мне удавалось по большей части сговариваться с армейскими организациями, чтобы с их помощью предотвращать худшее. Это было сказано им тоном, в котором слышалось некоторое беспокойство, но не чувствовалось раздражения. Напротив, когда я спросил его о мерах, принятых Гучковым в целях поддержания порядка на фронте, он, к моему изумлению, сдержанно, но с заметным раздражением сказал: «Штатским людям трудно понять нужды

военного командования». Помню, что эту разницу в тоне по отношению к революционерам и к военному министру я объяснил себе тем, что революционеры для бывшего царского генерала были настолько далекой средой, что их действия не вызывали в нем личных эмоций, тогда как Гучков, вышедший из тех же социальных кругов, что и он, и хозяйничавший в сфере его профессии, раздражал его каждым не нравившимся ему шагом.

Съезд происходил в большом помещении городского театра. Было около 1500 делегатов. Почти все делегаты были солдаты. Среди них было только несколько десятков молодых офицеров. Председательствовал солдат, социалист-революционер Сорокалетов. В своей приветственной речи, обращенной к нам, он подчеркнул солидарность фронтовой солдатской массы со стремлениями общероссийской революционной демократии. Три заседания были посвящены докладам, в которых мы знакомили съезд с политикой Петроградского Совета и Всероссийского совещания. Огромное большинство съезда с воодушевлением выражало свое согласие с излагаемыми нами взглядами. Но полного единодушия на съезде все же не было. С самого начала, при докладе Скобелева, произошел инцидент, который выявил существовавшие на фронте трения.

Скобелев делал доклад о революции в Петрограде, об образовании Совета и Временного правительства. Это была его любимая тема. В свой рассказ он вставлял описание эпизодов первых дней революции и говорил с некоторым налетом демагогии, столь характерной для этих первых дней. Описывая, как солдаты одного полка вышли из казарм, чтобы брататься с восставшим народом, он вызвал смех аудитории, прибавив, что офицеры этого полка «попрыгали под кровати». Большинство аплодировало, но в одном конце зала раздались бурные протесты. Они исходили от группы офицеров, делегатов съезда. После заседания к нам подошли товарищи из армейской организации и сказали Скобелеву, что он своим рассказом задел больное место армии. Недоверие и вражда к офицерам, говорили они, есть главное препятствие, на которое мы наталкиваемся в деле поддержания порядка на фронте. Ваше

выступление звучало как поощрение враждебного отношения к командованию, и вот почему присутствующая группа офицеров так горячо протестовала.

Этот инцидент, конечно, нас огорчил. Чтобы исправить свою оплошность, Скобелев в начале следующего заседания взял слово для разъяснения и заявил, что он описывал один индивидуальный случай и совсем не имел в виду относить это ко всему офицерству, тем более что многие из них с первых же дней примкнули к революции. Воздав должное жертвенному духу офицеров, обороняющих родину вместе с солдатами, он добавил, что сожалеет о впечатлении, которое его слова произвели на присутствующих офицеров, участие которых в этом съезде является лучшим показателем того, что необходимое для спасения страны сотрудничество офицеров и солдат при новом строе находит свое осуществление. При этих словах несколько офицеров подошли к эстраде и под аплодисменты съезда пожали руку Скобелеву.

Мы знали, что среди делегатов съезда были и противники советской политики: небольшая группа большевиков, с одной стороны, и более многочисленная группа правых — с другой. Считаясь с этим, мы построили свои доклады так, чтобы они включали в себя ответ критикам справа и слева.

Чхеидзе представил съезду доклад об отношениях между Советом и Временным правительством. Он говорил о том, как часто Временное правительство само обращалось к Совету за помощью и как вслед за тем осуществление этой помощи изображалось в правых буржуазных кругах как вторжение Советов в функции правительства. При общих аплодисментах съезда он говорил, что советская демократия стремится не к установлению двоевластия, а к согласованию политики Временного правительства со стремлениями широких демократических масс, объединившихся вокруг Совета.

Гвоздев, один из самых выдающихся представителей рабочей интеллигенции, сформировавшейся в профессиональных рабочих организациях еще до революции, говорил съезду о настроениях петроградских рабочих. Его доклад имел

целью рассеять в солдатской массе на фронте распространявшиеся правыми газетами слухи, что рабочий класс погрузился в эгоистическую борьбу за улучшение своего положения и не думает об исполнении своего долга по отношению к армии на фронте. Но когда Гвоздев рассказал о трудных условиях, в которых рабочие продолжают работать на фабриках, и о том революционном одушевлении, с которым они готовы поддержать в тылу дело революционной армии на фронте, его заявления были встречены с таким явным сочувствием, что не оставалось сомнения, что в среде делегатов предубеждения против рабочих не было.

Я сделал доклад о решениях Всероссийского совещания по вопросу о войне и мирной кампании. Эти решения, конечно, вызвали особенно живой интерес фронтовых делегатов. Представители армейских организаций передали мне перед докладом вопросы, на которые делегаты хотели получить ответ: принимает ли Временное правительство меры для приближения мира? Какой отклик находят в союзных странах и в Германии наши призывы к общему миру? Может ли революционная Россия заключить сепаратный мир с Германией?

Знакомя съезд с первыми шагами, предпринятыми Временным правительством и Советами для постановки перед народами союзных и воюющих с нами стран вопроса о всеобщем демократическом мире, я не скрывал тех трудностей, которые предстояло еще преодолеть на этом пути. Съезд слушал внимательно, и мы с удовлетворением видели, что в этой массе фронтовых делегатов, приветствовавших начало борьбы за приближение всеобщего мира, указания на трудности этой борьбы, на невозможность сепаратного выхода из войны, на необходимость поддерживать боеспособность фронта, пока стране угрожает вторжение врага, встречали понимание настолько живое, что призывы к исполнению долга на фронте сопровождались бурными аплодисментами.

То было время, когда волна дезертирств, поднявшаяся еще до переворота и усилившаяся в первый месяц революции, спала и солдаты, под влиянием призывов революцион-

ных организаций, возвращались на фронт. Критика пораженчества, братания с врагом, призывов к сепаратному миру встречала со стороны всего съезда живое одобрение.

Вслед за докладом посыпались вопросы в письменной форме. Большая часть этих записок исходила от оппозиции справа, которая не решалась выступить открыто. Одна записка ставила, например, вопрос о «дезертирстве» (цитирую по стенографическому отчету съезда, перепечатанному в сборнике моих речей). Автор записки утверждал, что «после обращения Совета рабочих и солдатских депутатов в некоторых частях солдаты стали уходить в немецкие окопы, отказывались возвращаться, и некоторые приходили в нетрезвом и далеко не полном виде». Когда в ответ на этот вопрос я напомнил обращение Всероссийского совещания к солдатам, добавил: «Вы знаете, товарищи, мы призываем к защите страны, к защите демократии, и кто эти слова истолкует как призыв к дезертирству, тот или с темными целями действует, или безнадёжный идиот», то последовали, согласно той же стенограмме, «смех, рукоплескания, голос: «Это полицейские подали, которые притом массаами удирают под предлогом болезней».

В том же роде были другие «вопросы» справа, как, например: «Имеется ли гражданское право понуждать другие страны: Англию, Францию и Германию — преклониться перед хотениями кучки русских солдат и рабочих?» Такие «вопросы» оппозиционных делегатов только подчеркивали их изолированность на съезде, огромное большинство которого бурно выражало свое согласие с нами, когда я напоминал, что призыв к всеобщему миру исходит не от кучки солдат и рабочих, а от всей революционной России, стремящейся пробудить братский отклик в народах других воюющих стран.

Но были и другие записки, исходившие из рядов большинства. Одна из них ставила вопрос, который был наиболее трудным на съезде: об отношении к командному составу. Дело в том, что, несмотря на чистку старого командного состава, начатую министерством Гучкова, в среде командования оставались еще офицеры, заведомо враждебные ново-

му строю. Представители армейских организаций рассказывали нам, как трудно было убеждать солдат, даже самых патриотически настроенных, повиноваться военным приказам таких офицеров, которых они подозревали в измене и контрреволюционных замыслах. Поданная записка гласила: «Могут ли войска быть уверены, получив приказ наступать, что этот приказ соответствует воле правительства и одобряется демократией?» На этот вопрос я ответил: «В настоящее время армия в России подчиняется революционному правительству, находящемуся под непосредственным контролем революционной демократии. В этих условиях, товарищи, немислимо ставить войска в такое положение, чтобы каждая отдельная часть, получив приказ наступать на неприятеля, рассуждала бы, соответствует ли этот приказ действительной воле правительства или нет. Пока оставлены, пока находятся в рядах армии начальники за ответственностью нынешнего правительства, их приказы наступать на фронте должны исполняться. Но если где-нибудь подозревается измена делу революции, делу свободной России, то об этом довести до сведения Советов рабочих и солдатских депутатов, которые доведут об этом до сведения Временного правительства, и изменники будут заключены под стражу, как уж были заключены многие из них (*рукоплескания*)».

Стенографические отчеты наших докладов и следовавших за ними вопросов и ответов были, по постановлению съезда, изданы отдельной брошюрой и получили широкое распространение на фронте.

Левая оппозиция на съезде не проявила себя никак. На председательской трибуне рядом с социалистом-революционером Сорокалетовым сидел интернационалист Позерн, который, как нам сказали, проявил большую активность в организации этого фронтового съезда. По своей фракционной принадлежности он должен был быть в оппозиции, но атмосфера, господствовавшая на съезде, очевидно, на него влияла, и в беседах с нами он не только не оспаривал наших взглядов, но выражал полную солидарность с ними. Он с торжеством говорил нам, что среди делегатов оказалось

всего около двадцати большевиков и что они, ввиду общего враждебного к ним отношения, не решаются даже защищать свою платформу.

Мы провели в Минске два дня. В свободные от съезда часы мы беседовали с представителями армейских организаций, которые знакомили нас с настроениями солдатской массы на фронте. После двух с половиною лет войны, говорили они, в солдатской среде чувствуются сильная усталость и жажда мира; отсюда повышенный интерес солдат к вопросу о том, принимает ли новое правительство меры для приближения окончания войны. Но вместе с тем пораженческих настроений не замечается и есть сознание необходимости защиты страны. Случаи неповиновения воинским приказам объясняются усталостью или недоверием к командному составу. Но моральный авторитет демократических организаций велик, и только этот авторитет помогает восстанавливать дисциплину и предохранять фронт от эксцессов и разложения.

Одновременно с нами была приглашена на съезд и делегация Комитета Государственной думы. Она побывала на съезде за день до нашего приезда. Но Родзянко и его коллеги были встречены съездом довольно холодно. Все, что мы видели и слышали, убеждало нас, что демократические инстинкты масс отталкивали их от крайностей справа и слева и находили свое удовлетворение в той политике, которая велась тогда руководящим большинством революционной демократии.

Из поездки в Минск запомнилось мне также посещение нами военного госпиталя.

Организаторы съезда передали нам, что раненые, узнав о приезде делегации Петроградского Совета, просили дать им возможность повидать ее. В госпитале мы соприкоснулись с войной еще более реально, чем на съезде фронтовых делегатов. Здесь во всем ужасе встала перед нами картина войны, сеющей смерть и страдания. Сотни тяжелораненых лежали на койках, другие с трудом передвигались на костылях. Им не пришлось самим видеть революцию, но происшедшие события взбудоражили и их. Те из них, кто мог говорить, задавали вопросы о новых порядках, о земле, о возможностях мира.